

Дунганские волшебные сказки: проблемы терминологии Исмаева Р. М.

Исмаева Рахима Мухамеевна / *Ismaeva Rakhima Muxameevna* - младший научный сотрудник,
Национальная академия наук Кыргызской Республики,
Центр дунгановедения и китаистики, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация: для полного представления о дунганской волшебной сказке Центральной Азии важно выявить терминологию этого рода национального прозаического фольклора. В противном случае мы не сумеем представить на суд читателей полноценную, естественную и правильную картину целой части духовной культуры.

Ключевые слова: волшебные сказки, история, систематизация, публикация, дунгане, Центральная Азия, термин.

УДК: 398.21/22 (=951.1) (574/575)

В дунганском повествовательно-эстетическом фольклоре Центральной Азии волшебные сказки считаются самыми популярными произведениями. В каждом селении до сих пор еще можно обнаружить несколько образцов этого замечательного жанра дунганского народного творчества. Не случайно Б. Л. Рифтин и М. А. Хасанов в «Художественном мире дунганской сказки» подчеркивали, что «что наибольшее место в сказочном репертуаре дунган бесспорно занимают волшебные сказки, именно их чаще всего рассказывают старики-сказители» [4, 13]. Как правило, сказочники в традиционной аудитории чаще всего рассказывают волшебные сказки, потому что в таких произведениях не существует никаких границ как во времени, так и в пространстве для истинно свободного полета народной фантазии. Во время фиксации текстов для анализа мы в рабочий сюжетный каталог внесли семьдесят четыре номера волшебной сказки с развернутыми до конца сюжетами. Существует также множество текстов с неразвернутыми сюжетами, которые не могут быть полезными для нашего случая, хотя обязательно сослужат полезную службу в другом ряде случаев.

В повествовательно-эстетических жанрах дунганского прозаического фольклора Центральной Азии волшебные сказки называют «щүанкун гучжир». Этимология слова «щүанкун», состоящая из двух корней («щүан» – «парить» и «кун» – «космос»), переводится буквально как «кружиться свободно в космическом пространстве». Этимология слова «гучжир» в современной фольклористике считается спорным вопросом. Первая часть слова – «гү» – всеми исследователями однозначно воспринимается как «древний», «прошедший», «былой». «Р» – суффикс – бесспорно призван для того, чтобы придать слову ласкательный оттенок. В этом термине спор возникает из-за второй части слова – «чжи».

Некоторые фольклористы вообще называют сказку словом «гучжер». В этом случае они понимают первую часть слова «гү» также как «древний» «прошедший», «былой». Во второй части термина они используют фонетическое написание слова «чжер», которое также переводится как «нынешний», «близкий», «современный». Известный собиратель сказочных материалов Х. Ю. Юсуров часто употреблял термин «гучжер» для обозначения этого вида дунганского устного народного творчества. Во всех своих сборниках с дунганскими сказками талантливый собиратель пользовался обоими терминами: и «гучжер», и «гучжир» [6].

Слово «гучжир», если согласиться с таким толкованием, следует понимать в буквальном смысле как нечто из «древнего и нынешнего» времени. Под понятием «древнее» подразумеваются мотивы из мифологии, которые когда-то были трансформированы в «сказки». В «нынешнее» же видят мотивы, которые рождены в историческое время. Отсюда слово «гучжир», как предполагают исследователи, необходимо нужно воспринимать как «древнее и нынешнее события». К такому выводу пришли Б. Л. Рифтин и М. А. Хасанов в «Художественном мире дунганской сказки»: «*Гучжир* соответствует тому, что в нашей фольклористике называется собственно сказкой, это небольшие по объему произведения сказочного характера. Этимология слова *гучжир* не совсем ясна, известно, однако, что так называется сказка и в северо-западных диалектах Китая: и в Ганьсу [см. 121,101], и в Шэньси [52, 46]. Исследователи ганьсуйского диалекта производят это слово от соединения *гу* – «древний» и *чжин* (пекинское *цзинь*) – «современный», «нынешний» [121, 101; 107, 104]; так же записывает это слово и собиратель шэньсийских сказок У Ли-цин [52, 46] [4, 12].

Слово «гучжир» говорящие на северо-западных диалектах китайского языка иногда используют для обозначения повествовательно-эстетических жанров. В северо-западном Китае широко распространены ганьсуйский и шэньсийский диалекты китайского языка. Известные лингвистические понятия происходят от названий провинций Ганьсу и Шэньси. Дунгане Центральной Азии в основном считаются переселенцами из провинций Ганьсу и Шэньси и соответственно говорят на ганьсуйском и шэньсийском диалектах. Если согласиться с выше упомянутым толкованием слова «гучжир» – как пишут дальше Б. Л. Рифтин и М. А. Хасанов, – «то следует признать, что дунгане, как и китайцы северо-западных районов, понимают под сказкой рассказ о древних и нынешних событиях» [4, 12].

В принципе, в древнекитайской филологии часто соединяют антонимические слова «гу» и «чжин»¹ для определения какого-либо единого целостного явления. Совершенно аналогичное соединение мы можем наблюдать во многих названиях китайских исторических, философских, литературных сочинениях Древнего Китая. Не считается исключением также название самого знаменитого сборника народных повестей «Цзиньгу цигуань» («Удивительные истории нашего времени и древности»). Этот самый читаемый во всем мире в последние века китайский литературный сборник переведен также на русский язык [5]. Хотя в данном сборнике, если обратить внимание на само название, акцент делается на слове «цзинь» («нынешний»), тогда как в нашем случае большое значение приобретает слово «гу» («древний»): «цзиньгу» – «гучжин».

В «путунхуа», т. е. общелитературном китайском языке, сказка именуется «гуши» («былые деяния»). Как видно, здесь сохраняется та же самая попытка вложить в понятие сказки идею передачи современникам события, которые имели место в далеком прошлом. Во многих китайских диалектах, как и на северо-западе, вместо «гуши» существуют другие названия, хотя совершенно схожие по смыслу. «В Наньчане (провинция Цзянси), например, сказка просто называется гу – «древность», «древнее», в Сямыне (Амое) – го, а на самом юго-востоке в Чаочжоу – гоу все с тем же значением «древнее» [120, 188] [4, 12]. Таким образом, во всех названиях акцент сделан именно на передаче в рассказе древних, стародавних, мифологических событий из жизни народа.

Соответственно понятие «древний» по отношению к фольклорному наследию широко распространено у многих народов мира. В кыргызском языке «сказка» именуется «жоо жомок», т. е. «ласкающие глаза былинные события». В русском языке термин «былины» по смыслу также передают события «старинны». Однако понятие «древний» принимает особое значение у народов Дальнего Востока: китайцев, японцев, корейцев, айну, хакка, хуэйцзу и др. В нашем случае стоит вспомнить составленный еще в X веке в Японии не менее знаменитый, чем «Цзиньгу цигуань», сборник «Кондзяку моногатари» («Стародавние повести»). В этом сборнике настоятельно подчеркивается мысль, что все вошедшие в содержание истории произошли не в нынешнее время, а именно в далекую старину. Совершенно аналогичная идея заключена также в терминах «енмаль» («старинное слово») и «ет-ияги» («старинный рассказ»), которые призваны обозначать произведения повествовательно-эстетическим жанрам у корейцев [4, 12].

В дунганской фольклорной традиции для обозначения сказки нередко используют термин «фу», что, во-первых, можно понимать в значении «книга», во-вторых, в значении «повествование». Этот термин дунгане также когда-то заимствовали из китайской фольклорной традиции северо-западного Китая. Однако применение термина «фу» для обозначения обычной сказки все-таки следует считать неправильным решением сказочников. «У дунган *фу* – это длинное повествование, типа легенды или сказа, – как считали Б. Л. Рифтин и М. А. Хасанов, – нередко, как мы увидим далее, восходящее к тексту или к традиции профессионального устного сказа, именовавшегося у них *фофу* (пекинское *шошу*) – «рассказывание книг», «рассказывание повествований» [4, 12].»

Литература

1. Дунганские народные сказки и предания. / Сост. М. А. Хасанов и И. И. Юсупов. - М.: Наука, 1977. 573 с.
2. Ли Шуцзянь Хуэйцзу минцзянь взньсюэ шыгон (Обзор народной литературы хуэйцзу). Нинься: Жэньминь чубаньшэ, 1989. 374 с. (кит. яз.).
3. Ли Шуцзянь Хуэйцзу взньсюэ цзун юй хэн (Наиболее полные описания литературы хуэйцзу). Нинься: Жэньминь чубаньшэ, 1996. 412 с. (кит. яз.).
4. Рифтин Б. Л., Хасанов М. А. Художественный мир дунганской сказки // Дунганские народные сказки и предания. М.: Наука, 1977. С. 5–31.
5. Удивительные истории нашего времени и древности: в 2. т. / пер. с кит., послесл. и примеч. В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович. М.: Вост. лит., 1962. Т. 1. 455 с; т. 2. 463 с.
6. Хуэйзү гүжир (Дунганские сказки) / Сост. Х. Юсуров. – Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1960. 259 с.
7. Шисыр И. С. Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии / дис. ... доктора филологических наук. Алматы, 2010. Научная библиотека МОН РК. 272 с.

¹ На пекинском диалекте термин транскрибируется как «цзинь».